

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XII

Реймс, Франция ~ Замок Блази ~ июнь 1348 г.

Поздним июньским вечером на пороге заката, когда пылающие оттенки цвета покрывали умирающее небо. Блази стоял, прижавшись лицом к стеклу, и смотрел в окно спальни Альсае на втором этаже. Его дыхание конденсировалось на стекле, образуя непрозрачный ореол возле его густой бороды. В упрямой летней жаре, царившей в комнате, капелька пота стекала по его виску. Даже с обезображивающими шрамами из ямок и обесцвеченной кожи, тянувшимися вдоль ног, он стоял без посторонней помощи и в остальном был в отличном состоянии здоровья. Рядом с ним стоял деревянный стол, на котором стояла пыльная ваза с бумажными цветами, которые Рене подарила Альсае всего за несколько дней до его последнего выступления в Креси. Потрепанные лепестки цветов были свидетельством присутствия голодных мотыльков с тех пор, как они высохли и образовали кучку у основания подоконника.

«Они словно цепочка муравьев. Кто же их всех похоронит?» — пробормотал Блази, его стеклянные глаза устремились вдаль. На главной дороге, которая знаменовала начало поместья Блази, вдоль переулка выстроилась непрерывная вереница зараженных чумой прохожих. С высоты своего высокого и далекого обзора Блази видел их как бесконечный ряд призрачных насекомых, неуклонно тянувшихся друг к другу.

Постепенно покидая город и исчезая в сельской местности. Молодые и старые, богатые и Бедняки, мужчины, женщины и дети — все вместе, словно последние шаги целого города, обреченного на виселицу. В этом массовом исходе большинство шли пешком, неся то немногое, что могли. Другие, едва державшиеся на ногах, спотыкаясь, шли, словно ходячая смерть. Время от времени перегруженные конные повозки проносились сквозь колонну, двигавшуюся с севера, их колеса едва касались мертвых тел, усеивающих обочину дороги. Блази вытер запотевшее стекло. «Где еще найдется достаточно благословенной земли, чтобы похоронить целый город — или даже бесчисленное множество городов? Это неизмеримое безумие; эта чума».

Альсае окликнула его через плечо, и Блази услышал нарастающее напряжение в ее голосе. «Если они приблизятся, не впускай их, Франсуа. Мы ничем не сможем им помочь. Скажи мне это».

«Ты этого не сделаешь!»

«Я запер двери и окна», — прямо ответил Блази, прижавшись лицом к стеклу.

«Мы в безопасности, насколько это вообще возможно».

Прошло мгновение, прежде чем Альсае отчитал его: «Я умолял тебя покинуть замок! Мы...»

В смертельной опасности. Честное слово, я не понимаю, почему позволил вам убедить меня в обратном.

Должно случиться что-то ужасное. Чувствую, это лишь дурное предзнаменование!

Блази отказался отвечать; вместо этого он стал изучать перегруженную дорогу.

«У нас ещё есть время, Франсуа! Послушай меня — за конюшнями есть заросшая тропинка через лес. Рене часто тянул по ней свою телегу. Мы можем загрузить телегу и запрячь твоего коня...»

Блази прервала её: «Уже слишком поздно, Алсае».

«Нет! И если Майкл умрет от вашей настойчивости — сможете ли вы это вынести?»

Крест? Ты можешь, Жан-Франсуа Блази?

«Он в безопасности, — заявил Блази. — И вы в безопасности. Мы верим, что с нами все будет хорошо».

Алсае вздохнул и проворчал: «Только если Господь позволит; и я молю о прощении, что Он позволит».

Блази кивнул. «Он так и сделает».

«Более того, Франсуа, я не хочу, чтобы ты втайне говорил Михаэлю, что он собирается оседлать этого непослушного коня. Тебе следовало оставить другого, как я и настаивал».

Блази нахмурился и опустил плечи. «Неужели нам снова придётся об этом думать?»

«Мы должны!» — воскликнула она. «Мы должны, если ты хочешь хранить столько секретов».

Разве ты не помнишь меня как заботливую жену твоего брата и любящую мать твоего племянника?»

Разве я всегда не открывал тебе наш скромный дом? Разве я всегда не заботился о тебе в трудные времена? Я не англичанин, Франсуа, и я не убивал твоих братьев!

Блази резко обернулся; его глаза были красными и опухшими. «Почему ты причиняешь мне такую боль? Что ты делаешь?»

«Что бы вы от меня хотели, а если нет?»

«Я хочу узнать правду!» — воскликнул Альсае. «Умоляю вас!»

«Ах». Блази опустил голову и усмехнулся. «Только правда?»

«Да; я хочу услышать от Жан-Франсуа всю правду, которую кардинал Блази от меня скрывал. Может ли он исполнить эту мою смиренную просьбу?»

Блази оглядел комнату, обдумывая ее простую, но, казалось бы, невыполнимую просьбу, однако ни один предмет мебели в спальне не мог привлечь его внимание настолько, чтобы отказать ей.

Он пристально посмотрел на нее. Прикусил губу, опустил плечи и тяжело вздохнул. «Если ты настаиваешь, то я все расскажу». Он повернулся к ней спиной и посмотрел в окно,

прежде чем продолжить: «И когда ты узнаешь правду, я надеюсь, ты найдешь в своем сердце место, чтобы простить меня и, возможно, понять причину, по которой я не был предельно откровенен».

Альсае упрекнул его: «Правда, Франсуа».

Блази согласился. «Хорошо, тогда. Все началось в моих покоях, в моей квартире в Шато-Руж в Авиньоне, когда я проснулся от совершенно неожиданного визита». Он прислонился к подоконнику, наблюдая за неспешным движением прохожих, пока рассказывал обо всем: о своей счастливой возможности увидеть дух Жака, о трудностях, связанных с апокрифами, об обнаружении Скрытых Святым Престолом Вратных Камней, о короле Филиппе и папе Клименте, и о папском плане, включавшем заем, — о капитане Борне и аббате Вониге, о своем трудном пребывании в аббатстве Гардьен, о последующем открытии Вратных Камней, а также о своих ужасных ранениях и чудесном спасении из аббатства на коне капитана. И на протяжении всего рассказа Блази Альсае не перебивал его. В заключение Блази повернулся и сказал: «Вот и все. Все, Альсае».

Альсае дрожащим пальцем указал на стол рядом с собой. «Вон те старые бумаги; это те страницы, о которых вы говорите?»

Блази отодвинулся от стола и виновато кивнул, признав: «Большинство из них; «Другие были унесены ветром». Он отвернулся, снова обратив внимание на толпу. дорога. Он вздохнул. «Больше нечего рассказывать, Алсае. Прости меня, что не рассказал об этом раньше». Блази сжал челюсти и напрягся в ожидании резкого упрека, но между ними повисла лишь мертвая тишина.

Наконец, Альсае с новой силой развеял затянувшуюся тишину. «Я не слышу Майкла! Возможно, он снаружи — с ними. Франсуа!»

«Не волнуйся, он дышит», — заверил ее Блази, — «Насколько это возможно». Продолжая смотреть в окно, он слегка перевел взгляд на старый тополь с широко раскидистыми ветвями.

«Великолепно», — ответила она более расслабленным голосом, в котором, возможно, даже прозвучала нотка... юмор. «Франсуа, он весь день был таким бодрым — измотал меня до костей. В нем столько энергии — прямо как у отца. Однажды он завоюет сердце какой-нибудь счастливицы, например...» Мне. И горе той женщине, которая будет очарована его обаянием.

Блази подавился; новая слеза, следуя за другой, скатилась по его щеке и скрылась в бороде. «Мы в безопасности», — ответил он, глядя из-под тополя на небольшой деревянный знак с кучкой земли перед ним. Он похоронил мальчика всего лишь накануне.

Альсае тоже призналась: «Мне есть чем с тобой поделиться, и я буду откровенна.

Пока ты спал, я сходила в пекарню за свежим хлебом. Тебе лучше проголодаться; твоя тарелка переполнена. И ты, возможно, будешь рада узнать, что твой брат присоединится к нам на ужин». Она усмехнулась. «И на этот раз он дал слово, что приедет до захода солнца. О, послушай! Он приедет прямо сейчас. Рене!» Альсае глубоко вздохнула.

«Ты должна отдохнуть. Я принесу еду, воду и свежее постельное белье», — ответил Блази, откатываясь от окна. Его взгляд остановился на Альсае, которая лежала, сгорбившись, на краю кровати, вся в поту. Ее изящная рука, поднятая вверх, тянулась за матрас, словно протягивая руку к чему-то или кому-то невидимому. Кончики ее пальцев были черными; губы, полные темной сухости и улыбки, и стеклянный взгляд, устремленный, был устремлен лишь на складку на потолке.

На следующий день Блази трудился под старым тополем, между свежими земляными насыпями, разбрасывая лопатами землю по могиле Альсае и покрывая ею последнего родственника некогда влиятельного рода Блази. Он воткнул лопату в землю и, царапая ногой сломанные корни, обнаружил перегруженную телегу, припаркованную у главного входа в замок. Блази прикрыл глаза от солнечного света, чтобы лучше рассмотреть незваного гостя. На фоне болезненных прохожих возница оставался на месте, наблюдая за ним, словно откровенный вуйерист. Полоса ткани полностью обвивала его голову, оставляя лишь темную щель там, где обычно располагаются глаза. Он мог бы напоминать мумию в широкополой шляпе. Возница сидел на полуденном солнце, накинув на себя длинное пальто. Если бы Блази не показался на свету при свете дня, его зловещий вид и безликое лицо заставили бы его принять Смерть за саму себя. Однако, когда этот внешне странный наблюдатель не проявил никаких признаков приближения, Блази отпустил его и занялся более серьезными и неотложными делами.

Кардинал достал из-под дерева флягу с выдержанным уксусом и окропил свежесвященным содержимым могилу Альсае, прочитав то, что Майкл наивно произнес.

считается: другими словами. Наконец, закончив свои слова, Блази преклонил колени возле Он подошел к подножию ее дома и завершил свою молитву прощальным приветствием: «Иди с Богом во Христе, Альсае Блази; любящая жена Рене Блази; заботливая мать Майкла Блази. Аминь». Он перекрестился и склонился в тихом почтении — и задумчивости . И в этот момент, в отсутствие птичьего пения, в монотонном шипении летних сверчков, в зудящей и головокружительной жаре дня, в осознании своего унылого состояния, и в тревожном открытии того, что любая его мольба о прощении навсегда останется без ответа, Блази заплакал. Он опустился на колени и упал на холм, сгребая горсти земли в тесные комки, словно под каким-то влиянием Божественным образом, более твердое понимание момента может помочь оказать давление на Алсае извне. ее неизлечимая болезнь. Там, под топодем, между грязными руками и рыданиями , поток криков орошал землю. И там, под топодем, Блази наслаждался тонкостями своих разочарований , погружаясь в всепоглощающую пустоту, утопая в пылкой смеси воспоминаний и печали.

«Доброго вечера, месье!» Неожиданный зов ошеломил Блази, резко повергнув его в шок. Он попытался вразумить окружающих. Он вскочил на ноги и, словно ничего не подозревающий преступник, закружился, вытирая глаза, чтобы увидеть приближающегося возницу и его качающуюся повозку. Незнакомец снял шляпу, размотал платок с головы и сбросил длинное пальто. Перед ним предстал мужчина средних лет с впалым лицом и густой бородой. Заметные темные круги под глазами говорили о том, что он усталый путник. Медленно приближаясь, возница приветливо помахал рукой. «Comment allez-vous?»

Блази, подняв выдержанную руку, приказал ему: «Арестуйте коня!» Он выскочил из-под дерева и объехал поляну. «Не ходите дальше!» Возница тут же остановился, и его конь несколько раз запротестовал, сопротивляясь тугим поводьям. Блази указал на замок и крикнул ему: «Владелец этого поместья командует армией! Немедленно уходите, или будете убиты его рукой!»

«Je m' appelle, Jean Labatut » , — окликнул хозяин повозки, представляясь. — «Я видный купец из Марселя. Простите, что беспокою хозяина поместья; однако я был бы очень признателен за аудиенцию у него, если мне будет оказана такая честь». Он вытер лоб рукавом. «Могу дать вам слово, что я не питаю недобрых чувств — лишь мои молитвы и обещание добрых намерений, которые он, возможно, очень оценит в эти беспокойные дни».

Блази подошел к тележке, внимательно разглядывая ее. «Дайте понять, что у вас добрые намерения».

Мужчина начал сильно кашлять, лишь кивая и тыкая указательным пальцем в сторону...

Он подошел к основанию тополя, прежде чем выдавить из себя хриплый ответ: «Вы готовите свежие могилы». Он тяжело сглотнул и откашлялся. «Это освященная земля, не так ли?»

«C'est ainsi,» Блази подтвердил это».

«Освящено должным образом — священником?»

«C'était ainsi, — Он снова подтвердил.

Мужчина шмыгнул носом и внимательно осмотрел окрестности, словно ища что-то особенное для себя. «А какая часть этой территории освящена?» Его взгляд снова остановился на дереве, и он осмотрел его от самых высоких ветвей до корней.

«Довольно; чего же ты ищешь?»

«Если хозяин позволит, я хотел бы обменяться с ним товарами в качестве простой услуги».

Блази украдкой взглянул на вход в замок. «Он ни с кем не разговаривает, кроме меня. Расскажите мне о своем предложении, и я немедленно передам его».

«Да. Я бы хотел — если хозяин будет не против...» Мужчина поморщился и почесал свою неопрятную шерсть.

Бородатый, обдумывая, как лучше всего представить свои благие намерения, сказал:

«Пожалуйста, сообщите ему, что прибыл купец с телегой, доверху наполненной товарами, которых хватит, чтобы обеспечить все его поместье на несколько сезонов». Он оглянулся через плечо и осмотрел свои товары, прежде чем перечислить свой инвентарь, как любой опытный купец, отточенный многими годами хитрых сделок: «У меня есть свежее зерно, сухофрукты,

солонина и сладости. У меня есть ламповое масло, ароматические порошки, бальзамы, ткань, кожа и лекарства. У меня в изобилии соль и всевозможные лечебные специи. У меня есть кухонная утварь, фарф

«Я подаю серебряные и золотые блюда, достойные любой знатной резиденции. А ещё у меня есть нераскрытая бочка лучшего вина во всей Франции». Он повернулся, посмотрел прямо в глаза Блази, кивнул и, проведя рукой над своим конём и повозкой, торжественно сказал: «И эта прекрасная лошадь и крепкая повозка также являются частью моего обмена, если хозяин будет согласен. Пожалуйста, сообщите ему — всё это я ему дам, если он окажет мне хотя бы небольшую плату».

запрос."

Даже в своем не слишком презентабельном виде купец выглядел настолько безупречно, что привлек внимание столь же хитрого кардинала. Блази осмотрел ноги, зубы и глаза коня и обнаружил, что это прекрасный молодой мускулистый скакун с безупречной шерстью, которая, казалось, отбрасывала багровый блеск на фоне солнечных лучей. Он прищурился, в нем зародилось подозрение. «И что же, может быть, это за простая просьба?»

Мужчина поерзал в своей повозке. Он откашлялся и сказал: «Меня поразила чума .

Однако в обмен на все мое имущество я лишь прошу даровать мне немного священной земли для достойного захоронения».

Блази отступил на несколько шагов и, размышляя о необычном, сложил пальцы перед собой.

просьба. Он бросил взгляд тополевых могил и больного купца, прежде чем попытаться отклонить предложение больного незнакомца . «Я больше не верю...» Мужчина вмешался: «Умоляю вас!» Он указал в сторону задней части территории. «Я могу оставаться за пределами замка, в повозке; там, у опушки леса. Мне не нужна никакая забота». Он приложил к шее платок и продолжил свою мольбу: «Мое время коротко; может быть, еще один день, и я перестану быть обузой. Я прошу даже не камень, чтобы отметить меня, — только участок на святой земле».

Блази тщательно осмотрел телегу торговца , которая перевозила внушительный груз и, судя по всему, была сильно переделана по сравнению с первоначальной конструкцией. Многочисленные вертикальные доски возвышались, прикрепленные ко всем ее сторонам, и все они были снабжены металлическими креплениями, от которых отходила сеть веревок, проходящих между ними и сквозь высокую стопку плотно упакованных припасов, сложенных внутри телеги. Удивляясь тому, как колеса телеги способны выдерживать такой вес, он заметил их необычайную ширину. Взгляд Блази остановился на самом верхнем крае миниатюрной винной бочки, которая, казалось, выглядывала из-за связки мешков из мешковины. Он глубоко вздохнул и оглянулся через плечо, мимо задней части замка, на густое поле сорняков и на более дальнюю полосу леса, обозначавшую более темную границу поместья. Он повернулся к торговцу и внимательно посмотрел ему в лицо при хорошем освещении, почувствовав, что предложение торговца было искренним. В конце концов, казалось, что Смерть заявила о своих правах, полностью сформировавшись и созрев в этом полном тревоги взгляде мужчины. Блази знал знаки и метку — безошибочная аура судьбы, смертности и всеобъемлющей безвестности внешне проклинала присутствие этого человека, словно затянувшееся черное сияние.

Кардинал жестом подозвал его к старому дереву и сказал: «Переместите свою телегу к опушке леса». Он взял лопату и направился к заднему входу в замок, крикнув: «Оставайтесь там, пока я не вернусь с ответом». Возница подчинился, раздвигая заросли сорняков и осторожно управляя телегой через поле высоких коричневых тростников, которые хрустели под колесами.

Блази вошел в замок и направился к камину и кухне; он поставил лопату в угол, прежде чем закрыть дверь. Он встал и вытер влажный пот с затылка, игнорируя стойкий запах рвоты и желчи, который окутывал его.

Он размышлял, что делать со своим новым гостем на смертном одре — тем , у кого было достаточно груза, чтобы обеспечить его обильными запасами на предстоящие зимние месяцы. Блази знал , что, поскольку чума пожирала соседний город Реймс, этот человек вез на своей телеге, возможно, больше провизии, чем было во всех городских лавках. И все же, даже при внимательном рассмотрении ситуации и со всеми обещаниями купца, даже несмотря на все его доводы, даже при внимательном отношении к разуму и со всеми обещаниями купца,

Для него винная бочка была прежде всего соблазнительным эликсиром, и Блази считал её именно таким. неотъемлемой частью его временного существования, если бы он хотел заглушить мучительные воспоминания о Майкл и Алсае. Вино было для него важнее, чем еда или сама жизнь, чтобы заглушить чувство вины — чтобы успокоить совесть, пусть даже на короткое время.

Он застонал, пиная разбросанный мусор, приближаясь к заляпанному окнам. Он махнул рукой сквозь рой синих и зеленых мух, заглянул сквозь заляпанное грязью стекло и посмотрел на заросшее стеблями поле, увидев верхнюю часть груза торговца, теперь расположенную у задней лесной опушки. Пошевелилась фигура, и Блази обнаружил мужчину, стоящего высоко в своей телеге и оглядывающегося по сторонам, по-видимому, осматривающего заросшую территорию. Блази усмехнулся, прежде чем обратиться к торговцу шепотом и с высокомерным видом: «О, умирающий человек; разве ты не чувствуешь его всемогущим?» «В каждом твоём вдохе? Это повсюду — нашествие разлагающегося тления в каждом нашем движении. Смерть бессмертна — суть жизни, которая переживает нас всех». Он усмехнулся, как пьяница, и, спотыкаясь, отошел от окна.

Блази уставился на захлапанный пол, его улыбка исчезла под постепенно ожесточающимся лицом. Бровь опустилась, челюсть напряглась, единственный здоровый глаз прожигал каменные плиты. Только тогда он осознал протухший запах, витавший вокруг. И только тогда он обратил внимание на живописную композицию и натюрморт, занимавшие центральное место в комнате — большой грубо обработанный стол и его графическое содержимое. Стол выглядел как изрядно поношенный жертвенный алтарь, с грудями испачканного белья, вываливающимися с его столешницы и боков. Пятна крови и другие телесные выделения затвердели, превратив ткань в жесткие слои неправильной формы. Посреди всего этого лежала засохшая деревянная умывальная чаша, свидетельствующая о его горячих попытках искупаться и смыть лихорадку. Мухи жужжали на ее краю, и Блази поджал губы, глядя на это грубое зрелище.

«Нет!» — воскликнул он, пробираясь сквозь мусор. «Ты никогда...» Блази схватился за край стола и, толкнув его, опрокинул его набок, а миска с грохотом упала на пол. Поднялись тучи мух, и в комнате воцарился монотонный гул. «Никогда!» Он отскочил назад, лихорадочно осматривая стены и потолок комнаты, словно ища что-то конкретное. Блази широко раскинул руки и закружился в воздухе, смеясь и крича на всех присутствующих: «Посмотрите на меня! Я всё ещё здесь! Вы ничего не сделали! Вы не можете меня тронуть! Вы боитесь меня! Вы никогда...» Блази отмахнулся от мух, размахивая руками над головой, и потерял равновесие в мусоре. Он ударился головой об пол с такой силой, что у него закружилась голова. И он лежал неподвижно, как мертвец, воспоминание о голосе Майкла преследовало его: «Я»

«Стану ангелом, у меня будут крылья — и я буду летать — очень-очень быстро — чтобы дьявол меня не поймал!» — простонал Блази и открыл глаза, обнаружив свою руку у лица, а на ссадине на костяшке пальца сидела муха. На мгновение он замер на каменных плитах, наблюдая, как насекомое трет лапки друг о друга, а его огромные багровые глаза смотрят на него в ответ. Затем оно взлетело и закружилось перед его лицом, а в его голове продолжал звучать голос Михаила: «Как будто «Вот это да, дядя Франсуа! Как ветер? Видишь, какой я быстрый?» Муха на мгновение села на лицо Блази, осматривая след свежей слезы, скатившейся с кончика его носа.

Под жужжанием мух, лежа на пустынных просторах некогда желанного и уникального поместья Блази, кардинал удалился в самые потаённые уголки своего сознания, в область, полностью оторванную от времени и пространства — в место, где мрак, отвращение и смятение могли смешаться с искажёнными воспоминаниями и тревожными снами, проявляя внешне чудовищное и неестественно слившееся состояние болезненного самодовольства, гротескного цинизма и неестественных смесей абсурдно несоответствующих воспоминаний и размышлений, порождённых и выкованных из какого-то спокойного чёрного омута отвратительного безумия. Не было никакой резкости. Звук был подобен трескущему дереву или разбитому стеклу — ни малейшего намека на глухой удар, стук, треск или звон, которые могли бы передать ощущение чего-то разбивающегося. Не было абсолютно ничего, кроме нерушимой тишины; и все же в неподвижности этого мертвенно тихого и чистого состояния трансцендентности разум Блази ускользал, пусть и незначительно.

Поведение кардинала резко изменилось: он усмехнулся и выпрямился на полу. Он поправил растрепанные волосы и оглядел стены комнаты, его глаза были затуманены и закатывались, как у пьяницы. Он кивнул, улыбаясь. « Понимаю». Он встал и отшлёпал грязь с штанин. «В самом деле, понимаю » , — ответил он, уперев руки в бока и продолжая обращаться к стенам. — «Вы забрали их у меня, потому что хотели мучить меня самой сокровенной утратой — и защитить меня от последствий этой мирской чумы, когда все остальные поддадутся ей, потому что вы хотите сохранить мне жизнь, чтобы я мог подарить вам долгую жизнь скорби, которой вы будете питаться вечно». Он раздраженно махнул рукой, собираясь с мыслями. « Убирайтесь от меня — о, Смерть и Мрачное Отчаяние — у меня есть настоящий гость, который ждёт своего часа, хотя бы на мгновение» .

Поправил одежду, привёл себя в порядок, как любой чопорный и благопристойный сановник, ожидающий аудиенции , и вышел из замка с едва заметной улыбкой, высоко поднятым лбом и приподнятым подбородком.

Блази пробирался сквозь высокую траву и остановился посреди неё, окликнув купца и жестом пригласив его подойти. «Проезжайте вместе со своей телегой к заднему входу в замок! Хозяин принимает ваше предложение — вино и провизия в обмен на комнату, питание и достойные похороны!»

Купец покачал головой. «Лучше мне остаться здесь, чтобы хозяин не навлек чуму на свой дом!» Блази наблюдал, как тот слезает с телеги и исчезает в тростниковом поле, и только его голос указывал направление его движения, когда он продолжил: «Если хозяин пожелает, я могу остаться под этими деревьями, пока его солдаты разгружают телегу!»

«Он этого не желает», — воскликнул Блази, приветливо махнув ему рукой и добавив: «Ни оставшееся привидение, ни непосредственная Рука Смерти не представляют для меня первостепенной важности».

Хозяин дома, Accueillir, месье Лабатю!

На время, когда на поле не доносилось шипения сверчков, воцарилась короткая тишина, после чего торговец спросил Блази: «Он тоже умирает?»

«Нет. Теперь приезжайте сами и привозите свою телегу, и только тогда он выполнит вашу просьбу». Через заросли сорняков Блази увидел, как мужчина сел в свою телегу и направил ее к нему. «**Есть ли у хозяина в доме священник?**»

«Он так и сделает, на некоторое время, а потом позаботится о ваших нуждах». Блази жестом указал ему на замок и вернулся к заднему входу.

«Вы тот самый священник?»

Блази крикнул через плечо, не сбавляя шага: «Как вы, наверное, уже поняли, я «В последнее время меня больше всего занимают посвящения, отпущение грехов и последние обряды . Придите! У меня пустая комната и жажда вина».

Купец припарковал свою телегу у входа, и двое мужчин начали разгрузку, складывая содержимое на кухне поместья. Когда они перенесли почти все припасы в дом, купец снял с плеча мешок с зерном, положил его внутрь и поверх такого же мешка, который Блази тоже сложил. Купец тяжело вздохнул и, прислонившись к опрокинутому столу, проворчал: «Я не догадался, что моя разгрузка собственной телеги была частью обмена ». Он осмотрел внутренние входы, ведущие вглубь дома и наверх. Он вздохнул, вытер пот со лба и спросил Блази: «Где люди хозяина ? Это абсурд; они спят? Я умираю, перенося эти припасы, чтобы спасти им жизнь». Он покачал головой и поморщился. «А что сюда девается? Вонь — отходы — как хозяин может это допускать...»

Купец оглядел испачканное мухами белье и повернулся к Блази, внимательно разглядывая его. «Смерть была здесь. Вы единственный выживший в замке, верно?»

Блази подошёл к нему, прислонился к столу и покачал головой. Он посмотрел прямо на купца и улыбнулся. «Смерть покинула это место. И, по правде говоря, солдат здесь нет; Однако хозяин здесь .

«Я не слышу ни кашля, ни чихания — никаких признаков жизни, кроме этих надоедливых мух», — возразил он.

Поджав губы и пренебрежительно махнув рукой перед собой, он спросил: «Вы тот самый учитель?» Блази усмехнулся. «Что касается меня, я могу только удивляться тому, насколько я влиятелен и неуловим». Он оглядел комнату с наигранным выражением серьезного подозрения и прошептал купцу: «Хозяин слушает нас даже сейчас».

Мужчина прищурился, затем оглядел комнату и достаточно громко, чтобы его голос был слышен, произнес: «За эти годы я открыто ходил в обществе королей и их...» «Вассалы». Он упер руки в бока и обратился к стенам: «Я Жан-Батист Лабатут, главный брокер по импорту с Востока». Не услышав ответа на своё самопредставление, он шёпотом спросил Блази: «Если господин так влиятелен, как вы говорите, то, возможно, у него есть имя, которое я знаю?» Он наклонился ближе. «Его титул?» Блази похлопал мужчину по плечу. «О, его все знают. И вскоре у вас будет аудиенция у него. Как и всех его спутников, подозреваю, он ждет вашей с неподдельным нетерпением. А теперь, пожалуй, выпьем вина?» Он подтолкнул мужчину, и они вышли из замка.

Кардинал обошел телегу и осмотрел едва различимый знак на винной бочке, когда к нему подошел торговец. «Почему даже его титул должен быть настолько секретным, что вы не можете даже шепнуть его мне?»

Блази пожал плечами. «Это не секрет. У мастера много имён, но его настоящее имя — «Смерть». Он снова обратил внимание на бочку и добавил: «Довольно обычное, но благородное название — что вы думаете?»

Купец побледнел и отступил назад. «Думаю, священник очень неуместно подбирает слова, учитывая мое состояние».

«Я не желаю вам зла», — ответил Блази, указывая на две могилы под деревом. «Точно так же, как я не хочу проявлять к ним неуважение. Я вижу только то, что не могу не видеть. По правде говоря, я не хотел бы видеть ничего под этим деревом; однако я вижу могилы. Я больше всего хотел бы знать, что мои братья храбро пали в Вифании, а не в Креси, а затем узнать, что они воскресли из мертвых; однако я вижу их лица только во сне. Я не хотел бы видеть ничего на дорогах Реймса; однако город полон смертей — и вы в том числе, а теперь мне предстоит похоронить еще одного».

«Мне бы хотелось отдохнуть и выпить вина; однако вот мы здесь, в палящую жару, с винной бочкой в телеге и развлекаем хозяина, которого я так отчаянно презираю: Смерть». Блази фыркнул и забрался в телегу.

Лабатут последовал за ним, спросив: «Твои братья под деревом?»

«Нет. Смерть под деревом — она повсюду. Хозяин забрал даже меня — я тоже мертв». Блази застонал, осторожно наклоняя бочку набок, и дал указания.

« Торговец осторожно передвинул бочку: „С ней нужно обращаться осторожно, чтобы она не убежала от нас“. Внезапно конь дернулся, сдвинув телегу, и торговец упал на бочку. Бочка покатила к задней части повозки, а Блази перелез через него, не давая ей упасть на землю. Он держал бочку на месте, пока вино не осело внутри. „Осторожно, я же говорил! Ты ходишь как корова!“ Он сердито посмотрел на жалкое лицо торговца, прежде чем положить голову на бочку. Затем он глубоко вздохнул . „Возможно, я на мгновение потерял голову. Прости меня, Жан-Батист. Это всего лишь моя вина“ . беспокойство; то, что это вино особенное, как вы упомянули».

Купец вытер пот с глаз и, подползая к задней части телеги, сказал: «Это лучшее вино во всей Франции». Он остановился рядом с Блази, улыбнулся и прошептал: «И я также видел кое-что — покойный священник испытывает ужасную жажду своего особого вина. Можем ли мы удовлетворить его просьбу?»
Блази кивнул.

Двое мужчин работали с бочкой, прислонив к тележке две доски для разгрузки.

Лабатут поправил высоту звучания одной из досок и подавил кашель. «Вы знаете, что меня поразила чума, но не отступаете от меня. Похоже, Господь благословил вас, не так ли?»

Блази стоял неподвижно. Он почесал бороду и задумался, мельком взглянув на палец, прежде чем кивнуть. «Похоже, что так. И, как я только что видел, крошечный ангел «Она навалилась мне на руку и всё рассказала». Он прислонился к задней части тележки, ковыряя царапину на костяшке пальца. «Тогда мне стало ясно, что на сложные вопросы нет сложных ответов, а есть простые. Они кажутся сложными только потому, что таковыми и являются ». Это не входит в то, чего мы ожидаем от ответа. Таким образом, наши ожидания зачастую определяют, какие ответы на наши вопросы мы будем считать правдоподобными. Вы меня понимаете?

«Нет, не знаю», — признался торговец. «Я всего лишь задал простой вопрос. Почему вы не умираете, как все вокруг?»

Блази отошел от тележки, рассмеялся и, вытянув руки в знак презентации, поднял руки.

«Видите? Даже вы не можете увидеть ответ на свой вопрос, потому что вы не можете заглянуть за пределы видимого».

«То, что вы ожидаете увидеть».

Лабатут нахмурился. «Я вижу, что либо вы уклоняетесь от ответа, либо не хотите мне отвечать, либо с вами что-то не так».

«Ах!» — воскликнул Блази, указывая пальцем в воздух. — «Ты сам ответил на свой вопрос, хотя и отказываешься принять его как ответ».

Купец фыркнул и прислонился к телеге. «Так какая же часть правды? То, что вы отказываетесь мне отвечать?»

«Нет, правда во второй части — со мной что-то не так». Блази поджал губы и поморщился, прежде чем продолжить: «Когда вы спросили меня, почему я не умираю, как все остальные, вы ожидали, что я могу умереть. Вы видите, что не можете видеть дальше того, что я жив? Как я вам уже сказал, я не умираю, потому что я уже мертв». Он рассмеялся. «...»
Мертвые не могут умереть — второй смерти не бывает.

Лабатут поднялся с телеги. «Вы не шутите. Вы действительно верите в то, что говорите, не так ли?»

«Видишь? Ответ оказался несложным, в конце концов, — просто отличался от того, чего ты ожидал». Блази кивнул и подмигнул.

Купец отпустил Блази и, размазав пот по его измученному лбу, сказал: «День короткий. Я слабею, и вам явно нужно выпить. Нам нужно перевезти бочку вина и устроить достойные похороны. Пойдемте?»

Двое мужчин с большой тщательностью перенесли бочку на кухню, поставив её вертикально в самом дальнем углу комнаты. Купец, тяжело дыша, наклонился над ней. Блази прислонился к стене и перевел дыхание. «Где дворцовые оруженосцы, когда они так нужны?»

Купец поднял на него взгляд. «Какие оруженосцы?»

Блази покачал головой и почесал плечо. «Сквайры это или нет, мы его перевезли — он нам нужен». «Мы? Вам это нужно.»

Блази отошёл от стены, наклонился, поднял штанину и принялся вытаскивать занозу из винной бочки, которая, как ему показалось, находилась рядом с коленом. Он ковырял рану, говоря: «Нет, друг мой; самая мучительная часть смерти — это её последний час, и ты будешь просить это вино, когда это время настанет».

Купец скривил лицо и выпрямился, осматривая обнажённую ногу с толстой, изъязвленной и сильно обесцвеченной кожей.

Блази вытащил занозу из колена, облизал большой палец и вытер тонкую струйку крови.

Он поднялся и увидел на лице купца выражение отвращения. «Это была всего лишь заноза — я останусь жив». Блази улыбнулся.

«В самом деле, да, — ответил купец, — в большей степени, чем большинство».

Улыбка Блази исчезла. «Что ты хочешь сказать?»

«Я хочу сказать, что, похоже, вам либо посчастливилось, либо не посчастливилось пережить всех нас». Торговец указал на свою ногу. «Покажите мне ожоги, которые убили бы любого другого человека». И вот ты здесь, со мной — рядом с тобой чума — и тебя больше беспокоит заноза, чем смерть». Купец кивнул, на его лице застыло подозрение. «Похоже, в тебе есть нечто большее, чем смертность. Кто ты?»

Блази усмехнулся и поднял брови, притворяясь загадочным. «Возможно, меня благословил ангел?» — успокоил он торговца, похлопав его по плечу.

проводя его наверх по лестнице. «Только Господь знает, что для нас всех лучше. А теперь я устрою тебя. Тебе будет комфортно. В отличие от того, что внизу, «Спальня наверху чистая и аккуратная», — усмехнулся он. — «В целом, это место может напоминать рай и ад, объединенные в одном доме». Купец попытался остановиться на лестнице и посмотреть на него, но Блази подтолкнул его. «Не беспокойтесь. Как и договорились, я позабочусь о вас и позабочусь о том, чтобы ваши похороны были такими же достойными, как у любого достойного человека Божьего. А пока вы должны отдохнуть. А сегодня вечером мы предадим себе удовольствие с хорошим вином и в приятной компании».

Время шло, пока Блази устраивался в постели умирающего гостя, оказывая ему гостеприимство спальни на втором этаже Альсае. Так купец спал, пока он ставил телегу у конюшни и ухаживал за своим недавно приобретенным конем. Он кормил и поил животное, в конце концов заперев его в последнем стойле, где когда-то содержался дикий черный конь, сбежавший от него. Прошло несколько часов, и при свете фонаря и звезд он вернулся в замок. Он зажег масляные лампы, открыл бочку и разбудил отдохнувшего гостя двумя кубками и таким количеством вина в деревянной умывальнице, что даже пара коней могла бы впасть в пьяное оцепенение.

Блази поставил умывальник и бокалы для вина на прикроватный столик. «Ты проспал большую часть дня. Как ты себя чувствуешь?»

Мужчина опустился на край кровати и сел. «Словно растоптанный...»

«Сам дьявол», — простонал он. Капли пота стекали по его лицу. «Мне приснилось, что мы были «Копая себе могилу. Но землю мы потеряли. Я искал свою землю. Боже мой». Блази наблюдал, как он осматривает комнату, словно все еще ищет ее. Затем он заметил умывальник и бокалы. «Ты постучал по вину?»

«Да. Пойдемте?» — Блази выступил в роли хозяина, принеся оба пустых бокала и протянув один гостю.

«Возможно, через мгновение», — мужчина потер горло и с трудом сглотнул,

его лицо исказилось, словно от боли. Блази поставил оба кубка рядом с

умывальником и подошел к окну. Он скрестил руки за спиной и устался на

дорогу. Несколько далеких факелов медленно двигались в ряд, словно колонна

ленивых огненных призраков, свидетельствующих о продолжающемся массовом исходе из Реймса

«Вы сказали, что вас зовут Лабатут?» — спросил Блази.

Мужчина кашлянул и откашлялся. «Жан Лабатут».

«Кажется, я это помню». Блази резко обернулся и устался на сапоги торговца. «Вы сказали, что вы из Марселя?»

«Марсель, да».

«Скажите, как у вас оказалось это вино?» — спросил Блази, кивнув в сторону умывальника.

«

Я родом из Авиньона, но родом из Марселя. Я уехал из Марселя, когда началась эпидемия чумы.

«Ага!» — Блази щелкнул пальцами. — «Вы Жан-Батист Лабатут, авиньонский купец, чья лавка находилась напротив кузницы — в переулке, ведущем к кладбищу Курии, верно?»

«Я... да. Как это произошло...»

Улыбаясь, Блази подошел ближе к кровати, потирая бороду, словно разгадывая какую-то тайну. «И ваш верный флот возчиков совершал регулярные поездки в порт Марселя, где они тайно торговали бочками вина с гемуэзскими торговыми судами в «Обмен для импорта, поступающего из Каффы и предназначенного для Генуи».

«Мы раньше встречались?» — спросил торговец.

«Однако, заметьте, не просто какое-нибудь вино». Блази проигнорировал его вопрос и, погрозив указательным пальцем, добавил: «Небесное брожение из лучших фруктов — эти бочки поступили прямо из Большого погреба скромной резиденции Его Святейшества : Папского дворца в Авиньоне». Блази усмехнулся.

«Откуда вы это знаете?» — торговец поерзал на кровати, выражая нарастающее беспокойство.

Тем не менее, кардинал продолжил, подводя итог своей речи: «Мне интересно, как так получилось, что гемуэзцы так и не заметили многочисленных несоответствий, когда сравнивали корабли...»
«Записи о том, что они разгрузили, тоже не попадают в инвентарь. И мне также интересно, как дворцовые инвентаризаторы не заметили столько пропавших винных бочек», — Блази довольно усмехнулся. — «Чтобы, конечно, ни часть корабельных товаров, ни часть папских бочек изначально не были учтены в инвентаре».

«Вы не священник. Кто вы такой?» — купец сердито посмотрел на него.

«На самом деле я кардинал».

«А я летающий конь», — выплюнул мужчина.

Блази рассмеялся. «Я узнал метку на бочке еще до того, как мы ее переместили — ту самую метку, которую я всегда вырезал на боковых стенках винных бочек и откладывал для ваших курьеров. Я маркировал только лучшие бочки сезона». Он кивнул. «Похоже, какое-то время мы были проверенными партнерами. Это был выгодный обмен для нас обоих, не так ли? Возможно, это благословение, что мы наконец встретились лицом к лицу после стольких лет, хотя и прискорбно в таких серьезных обстоятельствах».

«Ваше Высокопреосвященство? Кардинал Жан-Франсуа Блази?» — недоверчиво спросил мужчина.

Блази поднял руки ладонями наружу. «Это я — ваш верный и бывший поставщик вина, снова к вашим услугам».

Торговец усмехнулся. «Что ж, похоже, вы знаете часть моего признания».

«Еще до того, как я ему это расскажу», — покачал он головой. — «И я часто задавался вопросом, что этот кардинал делал с импортными товарами, которыми я его обменивал».

Блази вытащил из стоящей рядом вазы бумажный цветок на длинном стебле и, высоко подняв бровь, ответил: «Как вы, возможно, знаете, Коллегия кардиналов — это сообщество людей с разными взглядами. Время от времени нужно заручиться верной поддержкой других — подарками и тому подобным. Будучи «Торговец, полагаю, вы понимаете, что я имею в виду», — Блази покрутил цветок и усмехнулся. и подмигнула ему.

Торговец усмехнулся. «Ты ничем не лучше меня, учитывая твою роль в этом».

«И я никогда этого не утверждал. Однако те времена прошли, а наши деяния давно похоронены без следа. И даже сегодня ни славный Святой Престол, ни авторитетная генуэзская знать не замечают ничего неучтенного — обе склонны к избытку». «Всего». Кардинал слабо улыбнулся, осматривая пальцами бумажные лепестки цветка. «Такова апатичная слепота всех великих авторитетов, не так ли?»

Блази понюхал потрепанный цветок и сдул пыль с его лепестков. «Однако, похоже, нас обоих постигло похожее несчастье. Вы больше не тот богатый купец, каким я вас представлял; а я больше не тот умный кардинал, каким вы меня помнили». Он бросил цветок на пол и скрестил руки за спиной. Он покачался на пятках. «О, но вас может позабавить то, что один из ваших контрабандных генуэзских товаров теперь стоит во дворце Его Величества — довольно любопытное треножное устройство для приготовления яиц. В нем находились две масляные лампы с нарисованными на них синими драконами».

«Я помню такое устройство — окошко в форме яйца, названное так самим Его Величеством, — три таких окошка я взял с собой в последний рейс в Марсель. Мой курьер собрал их, посчитав исключительно ценными — это была единственная причина, по которой он принял их в обмен. Купец подложил подушки под изголовье кровати и приподнялся. «Значит, это был подарок королю?»

Блази подошел к боковому столику.

«Не совсем — скорее, это часть обмена».

"За что?"

Блази рассмеялся. «Ну, если вам так уж интересно: чтобы обеспечить армию».

«Армия?» — мужчина бросил на него критический взгляд. — «А я — пылающий красный конь. И всё же, расскажите всё».

«Если я расскажу вам всё до конца, вы мне точно не поверите». Блази опустил оба бокала в умывальник. «Может, теперь выпьем вина?»

Он оказал гостеприимство купцу, который взял чашу и сказал: «Да, может быть, это прогонит лихорадку, а если Господь позволит, то и саму Смерть». Он поднял тост за Блази и залпом выпил половину кубка.

«Аргх!» — прорычал торговец, вино стекало по его бороде. Блази почувствовал запах собственного кубка и отпил из него. «Горько», — пожаловался Блази, причмокивая губами. «Как долго вино находилось открытым под дневной жарой?»

«С тех пор, как в Авиньоне стало известно о приближении чумы, я поспешил...»
«Загрузить телегу. Я забыл накрыть бочку». Мужчина вытер губы рукавом.
«Солнце его погубило», — заключил Блази.

Купец допил остатки из кубка, наклонился к столу и снова наполнил чашу. «Что ж, умирающие пьют не для того, чтобы наслаждаться вкусом», — сказал он, откинувшись на подушки и снова подняв тост за кардинала.

Блази поднял свой кубок, допивая остатки вина с невозмутимым видом. «И мертвые тоже», — простонал он. Он тоже окунул свой кубок в умывальник, чтобы наполнить его снова.

«Вы ведь не считаете себя по-настоящему мертвым, правда?» — спросил его торговец, посмеиваясь. Он поднял глаза и увидел довольно суровый взгляд — выражение лица было совершенно искренним. Его улыбка растаяла, и в тот момент, возможно, Лабатут увидел семя безумия, уже посеянное в священнике, стоявшем над ним. Купец оторвал взгляд и посмотрел на черное окно. Затем, подняв бровь, пробормотал: «Что ж, я, конечно, надеюсь в конце концов умереть так же, как и вы; признаю это». Он поднял тост в сторону священника и запил еще одну чашу. Затем он снова опустил свой кубок в винную чашу. Он застонал. «Мое состояние ухудшается». Он вытер пот и, уткнувшись в подушки, потягивал напиток двумя руками, улыбаясь, словно нетерпеливый ребенок, ожидающий сказки на ночь. «Итак, расскажите мне об этой армии, которую вы собрали, и о том, во что я не могу поверить. Ах да, и о ваших ранах на ногах, если поз

Блази повернулся и зашагал по комнате, пройдя мимо изножья кровати и остановив бумажный цветок. Однако его взгляд устремился сквозь пол в прошлое. «Ну, я так понимаю». Сейчас это уже не имеет значения. «Это не настолько священная тайна, чтобы мертвец не мог признаться умирающему». Он еще немного походил взад-вперед, погруженный в размышления.

Купец настаивал: «Ну, тогда продолжайте! А то этот умирающий купец окажется мертвым еще до того, как покойный кардинал признается!» Блази резко обернулся. Они переглянулись и усмехнулись.

«Хорошо», — сказал Блази. — «Всё началось в Авиньоне — в Красном замке, где я стал свидетелем поразительного зрелища». Блази расхаживал по комнате с кубком в руке, не отрывая взгляда от купца, пока тот рассказывал о своей душевной беседе с призраком своего покойного брата — о своём нежелании убивать другого кардинала ради...

Он выведывал невероятные секреты Святого Престола — о своем хитром обмане, позволившем украсть тщательно охраняемые страницы, описывающие работу врат в сам ад, — о своем мастерском умении

организация заговора против ничего не подозревающего Папы Римского, благодаря которому он получил зарплату. Армия короля — его беспрецедентная осада укрепленного аббатства, с минимальными потерями — его освобождение от демонов, которые должны были уничтожить все армии Англии, и, в конечном итоге, крах его планов из-за неосмотрительности дерзкого и предосудительного капитана. Время от времени купец пытался что-то сказать, но Блази неизменно приковывал его внимание тем же пламенным, непрерывным ораторским мастерством, каким он был, когда выступал в роли выдающегося оратора, часто доминировавшего в Коллегии кардиналов. И на протяжении всего этого Блази наполнял их бокалы, пока они не выпили всё вино из умывальника.

Лабатут задумался над причиной своего возросшего беспокойства и нашел виновника. Каким бы незначительным он ни казался, но, тем не менее, очевидным для него, из взгляда кардинала исходил новый, неестественный блеск — странный блеск, который он сначала не заметил. Казалось, Блази наблюдал за ним с двух разных сторон: здоровый глаз смотрел ему через плечо, а больной — прямо в душу. Он чувствовал, что белый глаз смотрит внутрь него и повсюду одновременно.

Блази ненадолго вышел из комнаты с пустой умывальницей, но вернулся с богато украшенным трехногим кувшином, доверху наполненным вином. Как только он поставил его на прикроватный столик, купец поспешно отступил и настороженно отвернулся от него. Блази сделал вид, что не замечает, поскольку был особенно поглощен наполнением и осмотром чаши больного, причем с такой тщательностью, что, возможно, подумал, что вино — это точно отмеренная доза лекарства. «Еще немного вина должно уменьшить эти теперь более явные проявления вашей немощи», — заявил Блази с уверенностью опытного врача. Он протянул полный кубок и уговаривающую улыбку своему, казалось бы, прикованному к постели пациенту. Однако купец лишь смотрел на него. «Возьми чашу, — настаивал Блази, — выпей из нее. Утопи свою болезнь». Но взгляд купца метался по комнате, словно в поисках скорейшего побега. В тусклом свете канделябра Блази увидел, как по лбу мужчины стекают капельки пота. «У вас высокая температура из-за болезни».

«Приди в себя и послушай моего слова. Я настаиваю, чтобы ты выпил, пока у тебя еще достаточно сил, чтобы удержать чашку». Блази наклонился еще дальше над кроватью. «Выпей!» — рявкнул он, отказываясь обращать внимание на разрастающееся пятно мочи на коленях гостя.

Вино брызнуло, когда торговец выбил кубок из его руки. «Держитесь подальше — я больше не пью с такими, как вы!»

«Как пожелаете», — спокойно ответил Блази, выпрямившись и вытерев брызги вина с одежды. Он отвернулся и принялся наполнять свою чашку.

«К сожалению, мне приходится продолжать пить в компании таких, как я; и довольно скоро нарастающая боль от вашего ухудшающегося состояния заставит вас сделать то же самое». (С полным бокалом)

После того как Блази потягивал кофе, он вернулся на свое самопровозглашенное место и встал у окна, предоставив мужчине достаточно места, чтобы собраться с мыслями. Блази неспешно потягивал кофе, коротая время за откровенно непочтительными разговорами, бесконечными размышлениями и зловещими пророчествами, недостойными даже самых неискренних священнослужителей, особенно кардинала Коллегии.

Блази продолжил лишь бормотанием, прижавшись лицом к оконному стеклу, делая вид, что пристально смотрит сквозь чернила ночи и изучает непрерывный поток зараженных чумой прохожих: «Посмотрите на них, все вместе идущих, как колонна трупов. Они уже мертвы — все до единого. Посмотрите, как они борются в своем безнадежном состоянии; движимые лишь приятными воспоминаниями и вечными мечтами». Он глубоко вздохнул, наслаждаясь воспоминаниями, прежде чем предложить довольно необычную связь, сочетающую в себе предвидение и ретроспективу: «На рассвете мы обнаружим еще больше из них, мечтающих вдоль дороги; с довольными улыбками, обнаженными телами и мухами, играющими в их глазах. Если бы они только знали правду о себе, то перестали бы притворяться живыми и замерли бы. Посмотрите на них. Они ходят, притворяясь живыми. Только в смерти они поймут всю полноту своего положения; что они были глупцами, пытаясь выжить в мире, где смерть вплетена в саму ткань его устройства. В конце концов, ничто земное не останется священным. И какое большее благо может пережить надежды и мечты, если всё потеряно, подобно мухам?

«Не верю, что вы священник», — проворчал торговец. «А кто вы?»

«Кто я?» — Блази усмехнулся. «Если я расскажу вам, как это произошло, вы узнаете, кто я. Всё началось довольно просто». После паузы он откашлялся и заговорил: «Когда я был ещё мальчиком, я увидел, как вереница муравьев карабкается по стволу большого дерева, хотя верхние ветви были объаты пламенем от недавней молнии. По мере того, как колонна поднималась по дереву, муравьи горели и падали на землю. Я счищал их с коры, но за ними следовали и другие. Я плевал им на пути, но они кружили вокруг плевка и продолжали свой путь вверх. Я даже раздавил некоторых из них, надеясь, что другие мгновенно почувствуют опасность и повернутся, однако они всё ещё ползали вокруг мертвых и продолжали свой путь в огонь». Блази покачал головой и усмехнулся. «В моей мальчишеской и довольно глупой попытке спасти этих муравьев от пламени упавшая ветка сломала мне ногу и чуть не стоила жизни. Этот момент тронул меня сильнее всего».

«От меня, до самой глубины моей души, даже чтобы изменить ход моей судьбы — от будущего рыцаря, до епископа». Он щелкнул пальцами. «От муравейника до кардинала Коллегии, теперь вы знаете меня таким, какой я есть». Блази отвернулся от окна и повернулся к торговцу, готовясь предстать перед ним с распростертыми объятиями — с жестом смиренного великолепия. Вместо этого, в пьяном угаре, он споткнулся о приставной столик.

Ваза с грохотом упала на пол. Он уронил кубок и упал назад, треснув. Он прикрыл оконное стекло, прежде чем опереться на подоконник. Его взгляд был прикован к ногам, где среди обрывков бумажных цветов валялись осколки разбитой вазы.

«Муравьи умирают — хм — мухи играют — хм». Купец насмехался и стонал, садясь на край кровати и надевая сапоги.

«Вам не нужна обувь», — заявил Блази, шатаясь, направляясь к нему. «Вам нужно отдохнуть. Что вы делаете?»

«Держись подальше!» — купец ткнул в него указательным пальцем и рявкнул: «Держись на расстоянии!»

Блази замер на полшага. «Зачем тебе переодеваться?»

Мужчина поправил одежду. Из-под прядей вспотевших и спутанных волос он держал...

Блази, пристально глядя на него, прорычал: «Чтобы исправить то, что неправильно, я должен покинуть это поместье греха — и этого самопровозглашенного, богохульного духа, который поклоняется себе как почтенному и выдающемуся кардиналу Блази!»

Блази взглянул на богато расписанный фарфоровый кувшин с блестящей поверхностью, украшенной крошечными голубыми цветочками, и на щедрую емкость с нетронутым вином. Он спросил: «И что же будет с нашим соглашением?»

Мужчина поморщился от боли, вызванной ухудшением его состояния. Он откинул волосы назад и пристально посмотрел на кардинала. «Это ваше — мои товары, моя телега, мой конь — всё это. Мне нужен только я сам, чтобы добраться туда, куда мне нужно».

Теперь Блази видел в этом человеке незнакомца — совершенно другого человека, нежели торговца, с которым он познакомился совсем недавно. Мужчина выглядел избитым и опухшим, словно его многократно били; а в свете свечей его явно странные черты лица блестели от ровного слоя пота. В целом, его голова казалась обезьяноподобной, с гротескно впалым лицом.

«Посмотри на себя!» — воскликнул Блази с оттенком отвращения. — «Ты умираешь прямо на глазах!»

Другого убежища нет. Отдохните!

Купец кивнул и, пошатываясь, направился к двери. «Можете быть уверены, что я буду жить в мире и вдали от общества зла». Он вышел из комнаты, осторожно спускаясь по открытой лестнице, опираясь на каменные стены, чтобы не упасть. Блази шел следом, настаивая, чтобы тот удалился в постель. Однако купец игнорировал мольбы Блази и продолжал идти, насмехаясь над ним каждым своим шагом вниз: «Хозяин моего дома — Смерть! Я жив, но мертв! Я замышляю заговор против Его Святейшества и Церкви! Я убийца кардиналов, аббатов и монахов! Я открываю сами врата ада! Пойдем поиграем с мухами у них в глазах!»

«Я ничего подобного не говорил!» — ответил Блази. Он прижал подбородок к груди и, пытаясь вспомнить что-то затуманенное, недоверчиво спросил: «А говорил ли я такое?» Он остановился на ступеньке и, неуклюже размахивая полным бокалом, неловко разбрызгал вино на одежду. «Что мы «Может, поиграем с мухами?» Он прислонил свою тяжелую голову к стене и фыркнул от смеха. «Возможно, вино притупило мои чувства. Простите меня; мне следовало бы следить за своим языком». Затем он бросился вслед за купцом, который неустанно продолжал идти, и схватил его за руку. «Нет! Я больше ничего не скажу. Идите; вы должны вернуться в комнату!»

Купец вырвался из цепкой руки Блази, спустился по лестнице и, пробираясь через кухню, уперся в каменный очаг. Он осмотрел окрестности и обнаружил свои вещи, сложенные в кучу и занимавшие большую часть комнаты. Напротив, на его винной бочке горела керосиновая лампа, и мерцающее пламя придавало захламленному пространству зловещий контраст. Он смотрел на парящие тени на полу, косвенно упрекая Блази: «И твои ноги теперь зажили, тогда как большинство мужчин от этого бы умерли» Такие раны. Как такое могло случиться, если только... ах да... не потому, что небеса пожелали тебе добра!

Мужчина, споткнувшись, упал на пол и поспешно пополз сквозь тени — через множество извилистых тропинок, в собственноручно выстроенном лабиринте из собственных вещей. Тьма поглотила его, и остался лишь его голос, кричащий: «Сен-Дени, прикрой мой путь! Прикрой меня!»

Блази крикнул в сторону голоса торговца : «От кого или от чего он должен вас укрыть? Придите в себя! Чума тяжело вас заразила!» Блази пошатнулся вслед за ним . Он, плеская вино, сказал: «Вернись!» Мрачные груды обрушивались друг на друга в нарастающем контрасте оттенков, кастрюли и сковородки гремели, а стекло и фарфор разбивались о каменные плиты. «Я тебя вижу! Возьми себя в руки!» Ты сошёл с ума!

Мужчина выскочил из темного угла и, развернувшись, размахивал лопатой, лезвие которой лишь на несколько градусов приблизилось к лицу Блази . Тусклый блеск лезвия заставил Блази поднять голову. руки — и его кубок. Купец сунул оружие в лицо священнику , демонстрируя решимость. «Выкопать тебе могилу сегодня вечером?»

«Нет необходимости», — ответил Блази, уступая позиции. «Не приготовить ли вам, как вы того желали?»

«Не нужно! Отойдите от меня!» — сплюнул торговец.

Блази моргнул и отступил на несколько шагов, после чего вытер слюну торговца с его ног. его взгляд. «Как пожелаете, монсеньор Лабатут. Я не желаю вам зла».

«Ты в сговоре с дьяволом, притворяешься священником», — прорычал торговец, вонзая клинок в Блази и отбрасывая его назад, сквозь разбросанные груды останков.

Беспорядок на полу.

Блази неуклюже спотыкался о разбросанные вещи, но сумел удержать свой кубок от разлива. Купец поспешно выбежал из-за угла, высоко подняв ноги, и, жалуясь, поспешно направился к задней двери замка. «Забирайте всё это — каждую пролитую специю, каждую сломанную ложку и каждую горькую каплю вина! Только этот жалкий инструмент — мой», — прорычал он, высоко подняв лопату. В его коротком взгляде назад белки его безумных глаз, возможно, затмевали даже свет лампы. «О, конечно!» — согласился Блази с разъяренным купцом. — «Это ваше, как вы и сказали! Берите».

Мужчина повернулся и замер на месте. Они долго смотрели друг на друга, и этого было достаточно, чтобы оценить монотонное жужжание летних сверчков, а также удушающую жару и стойкий смрад в доме.

Блази глубоко вздохнул и нарушил молчание: «Итак, что ты собираешься делать с лопатой?» Он сделал глоток вина, обмениваясь взглядами между лезвием инструмента и...

Пронзительный взгляд мужчины, свидетельствующий о его безумии, вызванном болезнью.

Наконец, торговец издал тревожный смешок. «Нет, монсеньор, вы не человек Божий. Даже тонушая собака найдет больше обещаний рая, чем человек в могиле, которую вы для него приготовили! Я вижу в вас худшего из дьяволов, скрывающего свой двуличный язык под маской благочестия, оставаясь при этом безнаказанным и продолжая творить зло».

«Я тот, за кого себя выдаю, — заявил Блази. — Я тот самый кардинал, который помогал вам в ваших прежних делах». Он указал на деревянную бочку. «Эта самая бочка была из Большого погреба...» «Папалимский дворец, единственным надзирателем которого я являлся». Затем он склонил бокал в сторону купца, словно поднимая за него тост. «Даже горький, я узнаю этот сорт винограда по вкусу; это не обычный сорт. Более того, я знаю себя как человека Божьего и Франции; каким бы зловещим я ни казался людям, подобным чумным или — тонушим собакам, как вы так любите говорить. Тем не менее, мое предложение остается в силе — я похороню вас со всем почтением, обрядом и молитвой, которые вы ожидаете от любого опытного священника».

Купец оглядел разбросанный товар, обдумывая предложение, словно услышав о нем заново. Он снова обратил внимание на Блази и протянул лопату, угрожая. «И что?»

Сквозь слабый луч света, пробивавшийся сквозь тени и заливавший пол, Блази обнаружил Среди разбросанных припасов виднелся миниатюрный конь — кусочки фарфоровой фигурки валялись на каменных плитах, уже растоптанных ногами. Рядом с каблуком сапога купца лежала маленькая голова светлого коня. Как и купец, Блази обернулся и осмотрел то же самое захламленное пространство, видимо, переориентировавшись на гораздо более широкую картину, мысленно обдумывая то, что он сразу же понял как...

Индивидуальное и, казалось бы, загадочное состояние круговых и сатирических отсылок. Довольно неожиданный поворот. Размышляя о событиях, он понял, что разбитая фарфоровая игрушка была подарком, который он преподнес своему племяннику ранее, который он приобрел в ходе тайных сделок с контрабандными товарами с генуэзских кораблей и который, скорее всего, поступил к нему от того самого купца, который стоял перед ним. Точно так же бочка с теперь уже горьким вином, несомненно, появилась благодаря прошлым косвенным сделкам купца с ним, когда Блази регулярно контрабандой вывозил бочки из подвала папского дворца в обмен на редкие импортные товары, которые затем использовал для коллегиального бартера и политических взяток — редкие импортные товары, точно такие же, как разбитая фарфоровая статуэтка с Дальнего Востока.

«И что? Что дальше? Выкладывай!» — крикнул торговец, прищурился, словно пытаясь заставить Блази раскрыть намеренно завуалированные детали контракта, представляющего собой некое подобие фаустовской авантюры или дьявольской сделки.

Блази, в конце концов, лишь устало улыбнулся и невозмутимо ответил на настойчивые, похожие на инквизиторские, заявления мужчины: «И... я буду использовать эти другие слова в ваших интересах». В конце концов, как же вы найдете рай без моей молитвы, иными словами? «С дьявольскими словами и злословием? Ах! Как я и подозревал», — воскликнул купец, замахнувшись лопатой на кардинала. И все же Блази стоял, не дрогнув, безучастно глядя на сломанного коня, погруженный в воспоминания о юноше, который когда-то летал быстрее любого ангела — и, возможно, с такой силой, что добрый ветер заметил его и унес прочь. Из всего этого мальчик знал мир, раздираемый злобным и безбожным «чумным чудовищем».

Блази прикусил губу и бесстрастно кивнул. «Увы, я должен настоять на том, чтобы вы покинули это поместье и его окрестности. Вы можете взять с собой оружие и все, что сможете унести; однако конь и бочка вина Его Святейшества остаются здесь как десятина и имущество Святого Престола».

«Мне не нужен конь! И можешь утопиться в вине — избавь нас от страданий, вызванных твоим презренным и непростительным поступком», — прорычал мужчина.

Блази резко вздохнул и высоко поднял бровь. «Без лишних слов, надеюсь, вы найдете свой путь, не так ли?»

«Конечно, я так и сделаю», — проворчал купец, опуская лопату. Он отступил к двери и открыл её из-за спины. Прохладный ветерок наполнил комнату, открыв лёгкий запах дождя. Вдали загудели сверчки. «Мне нужно выкопать могилу, пока я

«Имейте средства. И не пытайтесь следовать за мной». Вспышка в ночном небе на мгновение показала Блази лишь силуэт.

Блази успокоил торговца: «Не беспокойтесь, монсеньор Лабатут. Я смирился с этим». «Остаться здесь, поглощенный собственным водоворотом дел». Он наклонил кубок и осмотрел уровень его пустоты. «Даже утонуть в них».

Он наблюдал, как купец отряхивает с лица вспотевшие пряди волос, перекидывает лопату через плечо и выходит в ночь. Блази осторожно последовал за ним к двери, после чего безвольно прислонился к дверному косяку. Он покрутил бокал, нехотя поднял тост в сторону уходящего гостя и, поморщившись, выпил последние глотки испорченного вина. Он вздохнул, когда раздался раскат грома.

По-видимому, купец увидел его жест — он крикнул в ответ Блази: «Да! Привет, Дьявол!» Блази вернулся в замок и закрыл заднюю дверь, его мысли были свободны от всего, кроме полной раковины и пустой кровати, которые он намеревался использовать как вечное удовольствие.

За пределами замка умирающий, шатаясь, пробирался сквозь всё более высокую сорняковую растительность, отряхивая оборванные паутины, истерзанные коконы и колючие кусты, молясь Богу, Иисусу, святому Христофору и всем другим блаженным мученикам, которые могли услышать его мольбу о руководстве. Повернувшись спиной к дороге, он расположился за усадьбой и двинулся вперёд, назначив себе цель, спотыкаясь, направляясь к чёрному горизонту нетронутого леса — для него смерть стала личным делом, которым он не хотел делиться ни с кем, кроме себя и Бога. К сожалению, его путь освещали лишь молнии, а прежнее сияние звёзд теперь пробивало себе путь сквозь облака надвигающейся бури. А под ворчащим небом вспышка небесных огней явила пару высоких, искусно сшитых, с двойной строчкой, зеленых сапог, украшенных кисточками на манжетах и металлическими застёжками, на фоне разрастающегося В конце концов он утонул.

Это была первая и последняя встреча кардинала Блази, которая, возможно, была давно назревшей, с некогда видным купцом Жан-Батистом Лабатуттом, главным посредником по поставкам лучших товаров с Дальнего Востока и отборных вин, которые когда-либо знала Франция.

~*~

Смерть и разрушение – вот что было. Эта чернеющая зараза распространилась по каждому городу и поселку Франции, заставляя сердца людей замирать своим разрушительным и неумолимым присутствием. Крестьяне низкого сословия действовали как бунтующие жители, сравнивая с землей целые деревни, придерживаясь при этом распространенного абсурдного мнения: что никакое зло не восторжествует во Франции, пока они будут достаточно наглы, чтобы поджигать каждый ее город. Однако зараза распространялась среди неуправляемых толп, как лесной пожар, оставляя их черными, как лес.

пепел зданий , которые они сожгли.

В отчаянном стремлении пролить свет на механизмы и происхождение Великой чумы, в октябре 1348 года король Филипп обратился к выдающимся преподавателям Парижского университета. Немедленно собрался избранный совет, состоящий из представителей различных дисциплин, провел совещание в ритуальной тайне и представил свои выводы Филиппу в документе, названном «Трактат Парижского консилиума». В результате коллективной работы были названы несколько возможных причин чумы, включая выравнивание планет, подземные испарения, выделяющиеся при землетрясениях, и ядовитые частицы, переносимые влажным ветром из разлагающихся болот. Тем не менее, комментарий представлял собой лишь набор предположений, мало что сделавших для раскрытия причины или способа лечения. И хотя дьявол не фигурировал в деталях документа — даже несмотря на то, что зло отсутствовало в его каноне причин — клиническое изложение в остальном было достойной попыткой объяснить, казалось бы, внезапное и загадочное существование этого вечно поглощающего чудовища. До этого почти десять миллионов европейцев были слишком поглощены смертью, чтобы заботиться о причинах. В конце концов, мертвые оставались мертвыми — по большей части.

Чёрная чума была яростным адским пламенем, испепеляющим лицо Европы и обжигающим человечество, которое было не более чем саженцем в разбушевавшейся огненной буре. Подобно горящим рукам, наступающие линии Дьявольской болезни тянулись всё дальше вглубь континента, простираясь на север и запад, чтобы захватить незаражённые территории, и таким образом установили свою власть над всем континентом. Одна за другой, от края до края, страны изгибались, словно пылающие карты.

В Испании разразилась эпидемия, в результате которой большая часть городов оказалась под угрозой исчезновения — появились кладбища без грязи. В условиях засухи и неумолимого лета чума захлестнула города, и в изнуряющей жары жители не могли понять, потеют ли они от жары или от внезапной лихорадки. Большинство жителей могли бы списать всё на дневную жару, но половина не могла легко списать новые чёрные пятна под мышками на пот или испарения. Действительно, чума была быстрым и неизбирательным палачом; здоровые ложились спать, чтобы к рассвету застыть в оцепенении. А из-за затянувшейся засухи и изнуряющей жары в Испании чистая прохладная вода была жидким серебром. К сожалению, многие общественные колодцы были загрязнены останками гниющих соседей. Некоторые обвиняли евреев в осквернении воды, другие — мусульман; но, как ни странно, в случае такого апокалиптического события, обрушившегося на христианское население, лишь немногие винили дьявола. Тем не менее, для тех пожилых жителей, которые были слишком немощны, чтобы покинуть свои дома, и осмеливались даже подумать о том, чтобы сделать глоток из колодцев, выбор был так же очевиден, как и жажданная вода: поддаться болезни или воздержаться от обезвоживания. И всё же,

из чаши, глубоко помолились и присоединились к своим соседям на чистых городских кладбищах.

В других местах города и деревни Англии, как и деревни Испании, рушились. Даже при наличии строгих портовых правил, чума действовала как вор в ночи, незаметно проникая внутрь. Чума распространялась по водным путям, пробираясь мимо гаваней Лондона и Бристоля. Высадившись на мель, она стремительно распространялась. Врачи, священники и политики, казалось, прыгали в могилы; и, подобно морю изъязвленных леммингов, половина населения городов последовала их примеру. Летом 1349 года чума стремительно продвигалась на север, опустошая английскую сельскую местность, прокладывая себе путь через перенаселенные города Норидж и Честер, продвигаясь в Уэксфорд, Ирландия. К концу года Черная смерть поразила все самые северные города региона, включая Эдинбург, Шотландия. Черные кольца вокруг розовых лимфатических узлов — с полными карманами цветов, чтобы прогнать гниль, более трети Европы чихали и умирали.

Время тянулось, словно глаза умирающего человека, дни следовали за собой, как прерывистое дыхание неминуемой смерти. Мужчины и женщины избегали городов в поисках пищи. Вместо этого они прочесывали заброшенные поля, охотились на дичь в нетронутых лесах и искали пропитание в горных ручьях, отчаянно пытаясь собрать достаточно еды, чтобы пережить зиму. Семьи прятались за дверями, которые они помечали красным снаружи, и запирали их изнутри стопками тяжелых камней; сельскохозяйственные орудия прислоняли к соседним стенам в качестве оружия наготове. И когда наконец наступила зима, многие жители центральной Франции были слишком озабочены дверями как вероятными местами проникновения, мало обращая внимания на надежность своих потолков.

Демоны из Гейтстоуна в аббатстве так и не добрались до намеченного кардиналом Блази пункта назначения — французского города Кале и его английской оккупационной армии. Вместо этого, движимые исключительно тьмой демонического одержимости, эти летающие статуи-химеры бродили по вечернему французскому небу, распространяясь вместе с таким же распространяющимся и обжигающим туманом, и в конце концов достигли окраин деревни Мюрат, где, словно сокрушительный удар, проламывали соломенные крыши.

Тяжесть того, что постигло деревню Мурат, лучше всего могли оценить и понять лишь немногие приспешники подземного мира; эти старейшие и более опытные демоны коварных царств Тартара, которые служили надзирателями во дворце Аида. Поистине, им были позволены такие вольности, что они могли придумать многие из самых невыразимых мучений ада. Эти демоны, вселившиеся в гротескные статуи давно умерших гротесков, висевших в соборах, были

Это всего лишь духовные выдумки проклятых легионов Люцифаэля. Каменные фигуры не были движимы своим прежним существованием из плоти и крови. Их легко можно сравнить с Это всего лишь «летающие камни», населенные духами демонов, которые пронесли свои злые души через частично поврежденный портал из Камней Врат, а их истинные сущности все еще были заточены в Аду, поскольку из трех Камней Врат, составляющих Великую Печать, были «открыты». Проще говоря, пока Камень Врат монастыря Канчелло оставался закрытым, как бы ослаблена ни была Великая Печать, он все еще выполнял свою функцию Божественный и предначертанный замысел; и эти демоны подземного мира могли досаждают миру только в бесплотной форме духов одержимости, призраков, синих дьяволов, инкубов, суккубов и им подобных. И из всех инкубов и суккубов, низвергнутых в Ад — а их было много — Люцифаил царствовала как Царица Суккубов, будучи главной мучительницей и духовной развратницей, насылая свой образ и злые желания на спящих и беззащитных Сынов Человеческих и оставляя легионы призванных потомков Эльо и Элиуда, из земной плоти и костей, разбросанных по миру вслед за ней. И у Неё было мало материнского желания обеспечить Их безопасность — вместо этого, подобно Лазарю, Она оставила Их на произвол судьбы. Либо сами себя, либо быть убитыми неизбежным рассветом.

Однако ад не был насыщен. В течение следующих сезонов еще одного адского года чума окутывала Центральную Францию, словно неземной саван. И в самые темные часы своего непрекращающегося существования Присутствие чудовищ, палящий туман над аббатством и бродящие каменные гротески поглощали все расширяющуюся территорию, охваченную нашествием и опустошением. Затем, в конце 1350 года, каждый житель деревень Вик-сюр-Сер и Сен-Флур стал свидетелем ужасов, которые представляли собой химероподобных демонов, роившихся в ночном небе, словно стая ворон. Жители деревень кричали и разбежались; однако, стойкие выражения ужаса, которые можно было бы ожидать увидеть хотя бы на одном лице жертвы, заметно отсутствовали у всех погибших — ни у кого не было головы, ни один череп не лежал отдельно от других разбросанных останков. И об этих массовых увечьях почти никто не говорил, если не из-за отсутствия очевидцев, то из-за всеобщего безразличия к смерти. В конце концов, каждый город, посёлок и деревня терпели неудачу по-своему, и зловоние, исходящее от них по ветру, лишь служило предупреждением для мигранта, пережившего чуму, выбрать менее проторенный путь — избежать всех источников распространения чумы.

неприятные запахи.

Тем не менее, плоть и одежда продолжали отваливаться от выбеленных костей, отмечая уходящую жизнь одного из самых хитроумных замыслов ада . Великая чума, начавшаяся всего с одной птицы — единственного воскресшего дьявола китайского голубя, — сумела уничтожить большую часть человечества. Так же внезапно, как и пришла, она исчезла, словно пепел, оседающий на угасающем ветру. Подобно слишком сильно взмахнутому мечу или безумно произнесенному заклинанию зла, полоса смерти чумы пронеслась по всем жилам Европы, прежде чем вернуться в самое сердце...

Китай. И когда все монеты были собраны из глаз мертвых — когда последние волны реки Стикс утихли, — чума превратила в прах двадцать четыре миллиона европейских мужчин, женщин и детей. В Китае исчезло тридцать пять миллионов душ. Бесчисленные миллионы на индийских и африканских континентах были вырваны из существования; все они стали жертвами Жатвы Черных Яблок Люцифаэля . Однако сухие цифры не всегда побуждают к адекватному сравнению таких масштабных и исторических событий, как, возможно, сравнение. Если взглянуть на ситуацию с правильной точки зрения, то если бы все европейские могилы были сложены одна на другую в одной общей могиле, глубина могилы превысила бы три тысячи шестьсот миль. Более того, если бы все китайские могилы были захоронены в одном месте, глубина могилы составила бы почти пять тысяч триста миль в земную кору.

Для человечества Великая Чума проникла глубже шестифутовой ямы — глубже бездонного страха — она низвергла его в самый ад, откуда он и возник. И со всеми подсчитанными жертвами половина известного мира перевернулась и погибла, когда даосский верховный жрец и его пленённый Гротеск из Храма Летящего Дракона в Трёх Великих Ущельях Центрального Китая осмелились открыть первую из трёх печатей в Великую Бездну. Всё это произошло на тёмных страницах Истории, как это часто бывает с несчастьями.

[Конец главы 12]

Это литературное произведение было создано и исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~